

В. В. ВИНОГРАДОВ

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Полномочный и правомочный

В русском литературно-книжном языке есть два составных слова, в которых второй частью сложения является прилагательное *мочный* — восточнославянский эквивалент старославянизма *моцный*. Это слова *полномочный* и *правомочный*. С ними связаны отглагольные существительные *полномочие*, *правомочие*. От слова *полномочие* произведен глагол *уполномочить*, причастие страдательное — *уполномоченный*, существительное — *уполномочие*. В современном русском языке слова *правомочие* (бесспорное, полное обладание каким-нибудь правом) и *правомочный* (обладающий правом на что-нибудь, какими-нибудь правами, полномочиями) являются терминами государственного права. Книжные же слова *полномочие*, *полномочный* и особенно *уполномочить*, *уполномоченный* имеют более широкое употребление, хотя и на них лежит густой налет официально-письменного, государственно-правового стиля.

Полномочие — власть или права, предоставленные кому-нибудь (*Депутатские полномочия*. *Полномочия дипломатических представителей*. *Комиссия, обладающая неограниченными полномочиями*).

Полномочный — обладающий какими-нибудь полномочиями¹ (*Полномочный посол*. *Полномочный министр*. *Полномочный представитель*. *Полномочное представительство*; ср. советские сокращенные новообразования: *полпред*, *полпредство*).

Уполномочить — снабдить полномочиями на что-нибудь, доверить сделать что-нибудь от своего имени.

Уполномоченный — сверх значения страдательного причастия от *уполномочить* — также доверенное лицо, действующее на основании каких-нибудь полномочий. Слово *уполномочие* употребляется только в официально-канцелярском языке — в предложном сочетании: *по уполномочию* кого-чего — по доверенности, по предоставленному кем-нибудь полномочию («подписать договор за кого-нибудь по уполномочию»).

Слово *полномочный* является калькированным переводом латинского *plenipotens*, так же, как *полномочие* — *plenipotentia*. Соответствующие польские заимствования были у нас в ходу в официальном языке Петровской эпохи. Это слова:

«*Пленипотенциар*, пол. *plenipoten-cyaryusz*, полномочный министр. Для трактования король своих пленипотенциаров послать соизволяет. Поли. собр. зак., т. V, № 3014.

¹ В народных говорах слово *полномочный* (*полномошный*) иногда употребляется в значении: «состоятельный, богатый» (ср.: В. И. Чернышев, Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда, СПб., 1900, стр. 142; В. Г. Борова, Областной словарь колымского русского наречия, СПб., 1901, стр. 112).

Пленипотенция, пол. *plenipotencja*, полномочие. Дабы господа конфедераты своих пленипотенциаров с пленипотенциями туда назначили. Полн. собр. зак., т. V, № 3014¹.

Ср.: «*Высокомочный*, пол. *wysokomocny*, могущественный. (Его величество) высокомочным господам статам генеральным предлагать повеле... Шафиров. Рассуждения о войне с Карлом XII, стр. 32»².

Ср. в письме протоиерея П. Алексеева к Ф. Дубянскому (1763): «...не допустить до крайней бедности, но отвратить оную ими же вѣсте способы и далече от нас своим многомочным ходатайством прогнать находящую мрачную тму горестей...»³.

Лежащие в основе всей этой цепи терминов слова *полномочие*, *правомочие* (*полномочный*, *правомочный*) кажутся типичными книжными словосложениями на «славенский лад» (ср. *глубокомыслие*, *православие*, *полнокровие*, *малодушие*, *великодушие* и т. п.). И значение их не возбуждает больших недоумений и вопросов. Неясно лишь время их образования: когда эти слова могли быть произведены? Правда, можно повернуть вопрос и в другую сторону: что раньше возникло — *полномочный* и *правомочный*, а затем уже к ним образованы отвлеченные существительные на *-ие*: *полномочие* и *правомочие*, или, наоборот, сначала появились слова *полномочие* и *правомочие*, а позднее образованы к ним имена прилагательные? Кроме того, спрашивается: появились ли оба ряда слов: *полномочие* — *полномочный* и *правомочие* — *правомочный* в одно время или в разные периоды истории русского литературного языка? Удобнее всего начать исторический анализ со слов *правомочие*, *правомочный*. Слово *право* в общеевропейском значении *jus*, *das Recht* укоренилось в русском языке не ранее XVI—XVII вв. Следовательно, и слова *правомочие*, *правомочный* могли возникнуть не ранее этого времени. Однако они не зарегистрированы даже в академическом «Словаре церковнославянского русского языка» 1847 г. и в «Толковом словаре» В. И. Даля. Следовательно, можно предполагать, что эти слова сложились и вполне укоренились как правовые термины лишь во второй половине XIX в. Любопытно, что польские соответствия — *prawomocny*, *prawomocność* имеют более давнюю и глубокую историю. Проф. Н. С. Трубецкой в своей книге «К проблеме русского самосознания» (1928) считал польское *prawomocny* калькой немецкого *rechtskräftig* (*Rechtskräftigkeit*) и ставил русское *правомочный* в непосредственную генетическую зависимость от польского слова *prawomocny*. При этой гипотезе образование русских слов *правомочный*, *правомочие* пришлось бы отнести к периоду сильного польского влияния на русский язык, ко второй половине XVII — к началу XVIII в. Но для такого утверждения нет никаких оснований. Показательно, что в «Полном немецко-русском лексиконе, из большого грамматично-критического словаря господина Аделунга составленном», ч. 2 (СПб., 1798, стр. 274), нем. *rechtskräftig* переводится не через *правомочный*, а описательно: «действительный, достоверный, законный, на законах утвержденных» (*Ein rechtskräftiges Urtheil* — «приговор по законам»). Но ср. тут же: *Rechtswissenschaft* — «правоведение», *rechtsverständig*, *rechtsgelehrt* — «правоведущий» (стр. 275).

Все эти факты ведут к выводу, что слова *правомочие*, *правомочный* могли сложиться и независимо от влияния нем. *rechtskräftig* в русском литературном языке XIX в. по образцу *полномочие*, *полномочный*. Ориентация на польские образцы *prawomocny* и *prawomocność* не исключается.

¹ Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, СПб., 1910, стр. 228.

² Там же, стр. 76.

³ «Русский архив», М., 1882, кн. 2, стр. 70.

Слова *правомочие* и *правомочный* не включены в число «Дополнений и заметок» к «Толковому словарю» В. И. Даля ни одним из его критиков — ни П. Шейном (СПб., 1873), ни И. Ф. Наумовым (СПб., 1874), ни акад. Я. К. Гротом (СПб., 1870). Это говорит о том, что в 60—70-е годы XIX в. эти слова еще не были в широком употреблении. Они были внесены в «Толковый словарь» В. И. Даля проф. И. А. Бодуэном де Куртене, (4-изд., т. III, стр. 991):

«*Правомочие*, ср.: „Бюрократия, конечно, не могла предоставить земству таких прав, которые наделяли бы представителей земства правомочиями, превышающими объем общегражданских правомочий“.

Правомочный, имеющий право, удовлетворяющий требованиям закона. „В Полтаве числятся правомочных избирателей в Государственную думу по имущественному цензу 463, купеческого сословия 200, квартирантских 6“».

Итак, слова *правомочие*, *правомочный* появились в русском литературном языке в последней трети XIX в., во всяком случае не ранее 60-х годов XIX в. Соответствующие понятия в западноевропейских языках выражаются словами: во французском — *compétence* (ср. рус. «компетенция», в пределах чьей-нибудь компетенции), *compétent*; в английском — *competence*, *competent*; в немецком — *Machtbefugnis*, *machtbefugt*. Ср. чеш. *pravomoc*, *pravomocny*; польск. *prawomocny*, *prawomocnie*. Подозревать влияние нем. *rechtskräftig*, *Rechtskräftigkeit* на процесс формирования этих слов возможно, но не нужно, и придавать ему решающую силу при наличии русских образований *полномочие*, *полномочный* и западнославянских *pravomocny* (польск.), *pravomocny* (чеш.) нет оснований.

Слова *полномочный*, *полномочие*, *уполномочить* приводятся во всех русских словарях, начиная со «Словаря Академии российской» (ч. IV, СПб., 1822, стр. 1435—1436): «*Полномочие* — полномостие, полная власть в чем. *Дать кому в чем полномочие*. «*Полномочный*, -ная, -ное и ус. *полномочен*, чна, чно, прил. Полномостный; полную, совершенную власть, мочь в чем имеющий. *Полномостный посол*».

Слова *полномочие*, *полномочный*, *уполномочить* образовались в русском литературном языке первой трети XVIII в. В этом процессе нельзя не видеть влияния польского и других западноевропейских языков. Прежде всего необходимо вспомнить польск. *pełnomocny*, *pełnomocność*, которые сами могли сформироваться по образцу лат. *plenipotens*, *plenipotentia*, нем. *Vollmacht*, *vollmächtig*; ср. франц. *plénipotentiaire*.

На ближайшую связь с польским языком может указывать и слово *высокомостный*, которое вошло в русский литературный язык петровского времени из польского языка¹. Правда, слово *мостный* (ср. *мочь*), утраченное русским литературным языком в начале XIX в., было очень употребительно в государственно-деловом языке предшествующей эпохи. Особенно широко распространено было безличное *мочно* в значении «можно». Например: «А и то было тебе, милостивый королю, мочно разумети...» («Памятники смутного времени», 2-е изд., стр. 23). Ср. в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. II, стр. 180): «Со мною дружиною безъ страха мочно проити. Дан. иг.»; «Толико бо бог прославил святя мѣста, еже не мочно разстатися. Стеф. новг. 1347 г.».

Любопытно, что в «Немецко-латинском и русском лексиконе» (СПб., 1731) встречается слово *полномочие*. Нем. *Vollmacht*, *hab'ich hierinnen*, лат. *hoc arbitrio meo permissum est* переводятся фразой: «я в сем полномочии, полную власть имею» (стр. 723). Здесь *полномочие* возникает как калька, как славянизированный перевод нем. *Vollmacht*.

¹ См. мои «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», М., 1938, стр. 57.

Искусственность этого образования очевидна (ср. отсутствие других аналогичных образований от старославянского *моуць* вроде: *всемоушие*, *высокомоушие*, *безмоушие* и т. п.). Напротив, если допустить первичность образования *полномоушный* (ср. *моушный*), то и *полномоушие* получит некоторое морфологическое оправдание. Однако под влиянием таких слов, как *высокомочный*, и здесь быстро устанавливается форма *полномочный*, а вслед за нею и *полномочие*.

Слово *мочный* как живое отмечалось словарями Академии российской. Даже в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» (т. II, СПб., 1867, стр. 687) оно приведено без всяких стилистических помет. Здесь читаем: «*Мочный*, ая, ое, — чен, чна, о пр. 1. Имеющий большую мочь, крепкий телесными силами; дюжий, мощный. *Мочный богатырь*. 2. Сильный властью, богатством. *Временщики мочны не надолго*»¹. Последний пример явно восходит к живой разговорной речи второй половины XVIII в.

Таким образом, все материалы для образования слова *полномочный* и живые модели для образования отвлеченного существительного *полномочие* в русском языке конца XVII — начала XVIII в. были налицо. Но толчок к этому образованию мог, действительно, исходить из польского и латинского языков.

В «Полном немецко-русском лексиконе», ч. 2 (стр. 856), нем. *die Vollmacht* передается так: «1) полномочие, полная мочь. *Jemanden Vollmacht zu etwas ertheilen* — уполномочить кого к чему. *Vollmacht zu etwas haben* — полномочие к чему иметь; 2) полномочие, кредитивная грамота, верующее письмо, доверенность. *Seine Vollmacht aufweisen* — показывать свою верующую грамоту».

Косвенное доказательство возникновения слов *правомочный*, *правомочие* во второй половине XIX в. можно извлечь из истории слов *правоспособный* и *правоспособность*. Слова *правоспособность* и *правоспособный* являются терминами науки о праве. *Правоспособность* — это способность быть носителем прав и обязанностей, быть субъектом права. *Правоспособный*, -ая, -ое; -бен, -бна, -бно — являющийся субъектом права, обладающий правоспособностью.

Присматриваясь к морфологической структуре этих слов, легко заметить, что они входят в ряд сложных правовых терминов позднего происхождения, возникших в русском языке во всяком случае не ранее середины XIX в. и содержащих в первой своей части слово *право*. Таковы: *правомочие*, *правомочный*, *правомерность*, *правомерный*, *правопорядок* и некоторые другие (ср. *правонарушение*, нем. *Rechtsverletzung*, *правонарушитель*, *правопоражение* и т. п.). С другой стороны, вторая часть в составе словосложения у *правоспособность*, *правоспособный* является общей, однородной с такими словами, как *дееспособность*, *дееспособный*, *трудоспособность*, *трудоспособный*, *работоспособность*, *работоспособный*. Слово *дееспособность* в современном русском языке обозначает: 1) право на совершение действий юридического характера, определяемых положительным законодательством; 2) вообще способность к деятельности. *Дееспособный* как правовой термин также значит: имеющий право на совершение действий юридического характера и несущий ответственность за свои поступки. Кроме того, *дееспособный* имеет и общее значение в книжном языке: способный к деятельности.

Слова *дееспособность* и *дееспособный* образованы около середины XIX в.

¹ Ср. в «Толковом словаре» В. И. Даля: «*Мочный*, *моушный*, сильный, крепкий, дюжий, ражий, дебелий, плотный, здоровый; // *могучий*, *могутный*, властный, много могущий. *Мочность*, ж. *моучность*, мочь, мочута, мочутство; сила, крепость, коренатость; власть» (2-е изд., т. II, СПб.—М., 1881, стр. 362).

Они еще не зарегистрированы в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Но слово *дееспособность* уже вошло в «Толковый словарь» В. И. Даля. Следовательно, слово *дееспособность* сложилось в русском литературном языке в 50—60-е годы XIX в. Можно думать, что на процесс его образования повлияло нем. *Handlungsfähigkeit* (ср. *handlungsfähig*). Это влияние сказывалось на общей модели словосложения (*dee-способность*; ср. *Handlungs-fähigkeit*), но самый выбор морфемы *dee* (*dee-причастие*), а также соотношение и связь частей (ср. *деяние*, *дееписание* и т. п.) совершенно оригинальны и крепко спаяны с морфологической и семантической системой русского литературного языка.

Слова *трудопособность* и *трудопособный*, *работоспособность* и *работоспособный* не помещены даже в «Толковом словаре живого великорусского языка». Они сложились в русском литературном языке XX в. (ср. нем. *Arbeitsfähigkeit* — *arbeitsfähig*). На фоне этих сопоставлений становится ясным, что слова *правоспособность* и *правоспособный* могли появиться в русском литературном языке лишь во второй половине XIX в.

Ив. Желтов в своих «Кратких грамматических заметках» писал о «новоизмышленных словах»: «За последние 30 лет наплодилось у нас немало выражений, в прежнюю пору вовсе не встречавшихся. Говорят, что с новыми понятиями образуются или заимствуются и новые слова. Но действительно ли это так, еще очень сомнительно. По крайней мере, не знаем, чтобы иные из этих слов обозначали новые понятия. Напротив, понятия-то и прежде были, только понадобились, видно, новомодные слова, зачастую страдающие отсутствием всякого смысла. Что такое, напр., введенные в наш судебный язык выражения: *правомерность*, *правоспособность*, *судоговорение*. Не мудрствующий лукаво русский человек будет соединять с ними понятия о *правой мере*, о *правой способности*, о *говорении суда* (т. е. судебного присутствия).

Первые два слова суть буквальные, но по-русски просто непонятные сколки с немецких: *Rechtmässigkeit*, *Rechtsfähigkeit*; последнее же — неуклюжая переделка немецкого *Rechtsprechung*, т. е. отправление правосудия, причем составители его затруднились перевести буквально *правоговорение*, потому что под этим можно было бы понимать, подобно правописанию, отдел грамматики об искусстве правильно говорить»¹.

Даль не отметил слов *правоспособность*, *правоспособный* в первом издании своего «Толкового словаря». Объясняется это тем, что эти слова образовались и стали распространяться лишь в русском литературном языке 60-х годов. На пропуск слов *правоспособность*, *правоспособный* у В. И. Даля указал И. Ф. Наумов в своих «Дополнениях и заметках к «Толковому словарю» Даля» (СПб., 1874, стр. 29). Здесь подчеркивается, что «правоспособность требуется судебным уставом 20 ноября 1864 г. при совершении актов».

Повидимому, *правоспособность* и *правоспособный* формировались как кальки нем. *Rechtsfähigkeit*, *rechtsfähig*.

Самоуправление

При исследовании генезиса и семантической эволюции научных, общественно-политических и технических терминов необходимо сочетать историко-морфологический анализ слов с культурно-историческим изучением самих соответствующих предметов, явлений или понятий. Если

¹ И. Желтов, Краткие грамматические заметки, ФЗ, 1890, вып. IV—V, стр. 8—9.

взять, например, слово *самоуправление*, то по своей морфологической структуре оно представляется древним славянизмом. В самом деле, слово *управление* известно из древнейших русских памятников — как гражданских, так и церковных. Оно отмечено и в поучении Владимира Мономаха, и в поучениях Григория Назианзина (по рукописи XI в.), и в Изборнике 1073 г., и в Житии Феодосия, и в Рязанской Кормчей (по списку 1283 г.), и в Псковской летописи. В слове *управление* здесь сочетаются и старославянские и народные русские значения — соответственно значениям глаголов *управить* — *управлять* и *управиться* — *управляться* в древнерусском языке¹. В смысле «действие», «дело», «подвиг» слово *управление* (в форме мн. числа) встречается в древнеболгарском «Богословии» Иоанна Экзарха Болгарского.

Сложение с местоимением *само* отвлеченных имен действия и состояния также принадлежит к числу старославянских моделей словосложения. Ср. *самобытие*, *самовластие*, *самовольство*, *самодержжество*, *самозаконие*, *самолюбие*, *самомыслие*, *самособие* (неделимость, единство), *самототие*, *самохотыние* и т. п.².

Любопытно, что среди старославянских сложных имен прилагательных отмечено слово *самоправный* (греч. *autostoichos* в Пандектах Антноха XI в.). Все это делает вероятным предположение, что слово *самоуправление* могло сложиться в древнейший период истории старославянского или русского литературного языка. И все же такое образование не отмечено в русских литературных текстах до середины XIX в. Надо заметить, что сложные имена существительные отвлеченного значения с *само-* в первой части после первой широкой волны их в XI—XII вв. вновь начали активизироваться и производиться в значительном количестве в XVI—XVII вв.

К этому периоду относится образование таких слов, как *самонадеянность*, *самоуправство*, *самохвальство*, *самочиние* и т. п. В русском литературном языке XVIII в. сложные слова этого типа получили новое подкрепление и пополнение под влиянием немецких образований вроде *Selbstgefühl* (самочувствие) и т. п.

Слово *самоуправление* входит в широкий оборот литературного употребления, особенно в кругу журнально-публицистической прозы, с 60-х годов XIX в. Например, у Н. Г. Чернышевского (в статьях, относящихся к 1862—1863 гг., — из цикла «Современника»): «Если мы представим себе общественную жизнь, развитую вполне из начал самоуправления, то, разумеется, и связать литературу с жизнью будет очень легко»³. У Н. П. Огарева (в статье «Расчистка некоторых вопросов»): «Дело пошло не на развитие свободного народного самоуправления, а на создание сильного государственного единства посредством насилия»⁴. В статье Д. И. Писарева «Меттерних»: «Он думал, что разогнать представительное собрание — значит уничтожить в народе стремление к самоуправлению»⁵. У М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Первую роль играло слово „самоуправление“. Произнесенное рядом со словом „земство“, оно должно было оказать магическое действие» («Письма о провинции», VIII)⁶.

Если подойти к слову *самоуправление* с точки зрения истории того общественно-политического понятия, которое в настоящее время связывает-

¹ См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1912, стр. 1243—1247.

² Там же, стр. 245—254.

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. IX, СПб., 1906, стр. 172.

⁴ Н. П. Огарев, Избр. соц.-полит. и философ. произведения, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 633.

⁵ Д. И. Писарев, Полное собр. в шести томах, т. I, СПб., 1894, стр. 603.

⁶ Ср. также А. И. Ефимов, История русского литературного языка, [М.], 1954, стр. 344, 345.

ся с этим термином, то едва ли можно генезис его возводить ко времени более раннему, чем середина XIX в. В самом деле, слово *самоуправление* в современном русском языке выражает два таких значения, тесно связанных одно с другим:

«1. Узаконенный порядок, по которому какие-нибудь общественные учреждения осуществляют через свои выборные органы некоторые функции центральной власти. *Местное самоуправление*. *Земское самоуправление* (дореволюц.). *Органы местного самоуправления*.

2. Право какой-нибудь государственной единицы, области самостоятельно решать дела внутреннего управления и иметь свои правительственные органы, автономия»¹.

Русский термин *самоуправление* — при всей своей национальной самобытности — отражает и интернациональные черты этого правового понятия. Соответствующее понятие в английском языке выражается словом *self-government*, во французском — *self-gouvernement* (т. е. термином, заимствованным с английского); ср. также *autonomie*; в немецком — *Selbstverwaltung* (т. е. термином, который представляется калькированным переводом англ. *self-government*).

Можно предполагать, что толчком, ускорившим образование русского слова *самоуправление*, было также влияние английского языка. К. Н. Лебедев, один из деятелей 50—60-х годов, в своем дневнике в 1863 г. писал: «У нас, по западной моде, теперь в ходу мысли о с а м о у п р а в л е н и и. Англичане не выходят из моды, *selfgovernment*. Оно нигде не удалось в той мере, как действует в метрополии и как желали бы привить его подражатели и поклонники. Причину неудачи я вижу в одном: в недостатке публичной жизни, а причину ее отсутствия в недостатке гласности... Самоуправление есть право, возможное и действительное при известном развитии общества»². Показательно, что слово *самоуправление* не попало в академический словарь 1847 г. Да и в «Толковом словаре» В. И. Даля у этого слова отмечено лишь одно прямое этимологическое значение: «управа самим собою, знание и строгое исполнение долга своего». Это значение могло относиться только к области индивидуального словоупотребления. Лишь И. А. Бодуэн де Куртене добавил к толкованию Даля: «Независимое от центра государства, автономное, через выборных представителей, управление местными делами данной административной единицы: общины, округа, области и т. п.» (4-е изд., т. IV, стр. 26).

Акад. Я. К. Грот в своих «Дополнениях и заметках к „Толковому словарю“ Даля» также отметил пропуск слова *самоуправление* в коллекции Даля (стр. 17).

¹ См. «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стр. 43.

² «Из записок сенатора К. Н. Лебедева», «Русский архив», 1911, 4, стр. 551.